

УДК 343.9.022

## УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

© Александр Александрович АСЕЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,  
г. Тамбов, Российская Федерация, соискатель, кафедра уголовного  
права и процесса, e-mail: instityprava@mail.ru

Проанализированы основные ныне существующие в отечественном уголовном законодательстве и отраслевом законодательстве зарубежных государств тенденции противодействия экономической преступности, в т. ч. транснационально и высокоорганизованно занимающейся хищениями чужого имущества. В целях получения целостной картины состояния экономической преступности рассмотрено уголовное законодательство ряда государств, обозначаются имеющиеся в настоящее время объективные показатели эффективности его уголовно-правовых норм с учетом современной правоприменительной практики. Поэтапно исследованы основополагающие положения, воспроизведенные национальными законодателями в текстах уголовных законов. Определено, что предлагаемые их разработчиками меры систематически направлены на оптимизацию борьбы с хищениями, повышение эффективности противодействия данному виду преступности, преемственность нормотворчества, унификацию норм уголовных законодательств разных стран-участниц мирового сообщества на современном этапе их развития. Сделан вывод о проведении концептуальной политики постоянного приоритета именно имущественных санкций над другими видами наказаний за разные формы посягательств на собственность и их разновидности. Обозначено ныне уже существующее в странах мира наличие того или иного разнообразия способов совершения тех или иных форм хищения чужого имущества. Сделан вывод об отсутствии обобщающего их определения в уголовном законодательстве многих зарубежных государств, что само по себе затрудняет какую-либо перспективную имплементацию в российское отраслевое законодательство вообще. Предлагаемые меры направлены на оптимизацию борьбы с разнообразными формами хищений, количественно-качественное повышение эффективности противодействия данному виду преступности, преемственность нормотворчества, в дальнейшем на унификацию норм российского и зарубежного уголовного законодательства на современном этапе межгосударственного сотрудничества всех стран мира, относящихся к разным правовым семьям и имеющих различные уровни социально-экономического развития. Сделаны выводы и вносятся предложения по оптимизации использования опыта целого ряда европейских государств и США по противодействию организованной преступности, занимающейся хищениями чужого имущества. Основной целью изучения зарубежного опыта уголовно-правовой борьбы с хищением чужого имущества является выявление позитивных аспектов оптимизации уголовной ответственности. Определяется необходимость именно унификации норм уголовного законодательства целого ряда зарубежных государств в целях повышения эффективности предупреждения экономической преступности, в т. ч. и в Российской Федерации на современном этапе развития.

*Ключевые слова:* использование опыта государств по противодействию экономической преступности; тенденции противодействия организованной преступности; уголовное законодательство зарубежных государств о предупреждении экономической преступности; хищения чужого имущества; направления уголовно-правовой политики.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-11(151)-162-169

Основной целью изучения нами зарубежного опыта уголовно-правовой борьбы с хищением чужого имущества является выявление позитивных аспектов оптимизации уголовной ответственности за аналогичные преступления и использование этих результатов в условиях отечественных традиций без подражания и необоснованного заимствования. Разные формы хищения как составы преступлений довольно широко распространены в уголовном законодательстве абсолютного большинства государств. Именно

такое обращение позволяет рассмотреть отечественную уголовно-правовую доктрину в соотношении с иными правовыми системами, поскольку изучение иностранного законодательства, открывая юристу новеллы, позволяет наилучшим образом познать правовую систему своего государства страны, т. к. специфические особенности, прежде всего, проявляются в процессе сравнительного анализа с отличными вариантами правового регулирования общественных отношений.

Рассмотрим нормы, регулирующие уголовно-правовую борьбу с формами хищения в государствах с разными правовыми системами, определим возможности использования в уголовном законодательстве РФ положений, предусматривающих ответственность за новые способы совершения посягательств на собственность, пользуясь методом сравнительного правоведения, или компаративистики. В общей теории права их классифицируют как романо-германская, или континентальная, англосаксонская и постсоциалистическая, или советская семья [1]. В соответствии с этой систематизацией считаем целесообразным наиболее детально проанализировать уголовно-правовые нормы об ответственности за формы и виды хищения романо-германской, или континентальной правовой семьи ввиду их традиционного присутствия и распространенности в мире в общем и постоянной связи с отечественной юриспруденцией в частности. В отдельную группу входит уголовное законодательство государств постсоциалистической правовой семьи, исходя из их общей истории развития в рамках отличной от существующей в настоящее время общественно-экономической формации. На основании анализа ряда уголовных кодексов государств – участников СНГ и стран дальнего зарубежья можно сделать вывод, что практически любая правовая система в своем арсенале уголовно-правовых мер борьбы с преступностью содержит нормы, предусматривающие ответственность за разные формы хищения.

Нами установлена схожесть в описании признаков хищения в УК государств – участников СНГ с тем, которое дается законодателем в УК РФ. Так, например, белорусский законодатель положения раздела VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» открывает составами преступлений гл. 24 «Преступления против собственности». В структуре данной главы расположены шесть примечаний, где сформулировано понятие хищения и его разновидности. На наш взгляд, по сравнению с УК РФ явно излишне воспроизведена форма вины. Поскольку, безусловно, неосторожного похищения не может быть. Вполне оправдано было использование белорусским законодателем единственного терминологического оборота «За-

владение» при характеристике общественно-опасного действия, которое совершено виновным в целях похищения. Использование отечественным законодателем в УК РФ одновременно двух терминов – «Изъятие» и (или) «Обращение», предполагает неправильное представление о структуре форм хищения как о сложных составах преступлений. Хотя в тексте примечания законодатель не воспроизводит конкретные последствия того или иного похищения (согласно положениям УК РФ им является причиненный ущерб), нам представляется, что оно, безусловно, подразумевается, т. к. в его содержании использовано понятие «Завладение». На наш взгляд, интересным является и решение вопроса о способах хищения. Белорусский законодатель к таковым относит, помимо известных по УК РФ, также следующие составы: «Вымогательство», «Злоупотребление служебными полномочиями» и «Использование компьютерной техники при совершении хищения» [2, с. 259-274]. Нами установлено данное отличие столь близких по содержанию уголовных законодательств этих стран – участниц СНГ.

Нам представляется, что белорусский законодатель аналогичным образом с российскими коллегами трактует понятия кражи (ч. 1 ст. 205) и грабежа (ч. 1 ст. 206). При этом насильственный грабеж в УК Республики Беларусь вообще не упоминается, а «Насилие либо угроза применения насилия с целью завладения имуществом» им предусмотрена в ч. 1 ст. 207. При конструировании нормы о мошенничестве в УК РБ используется термин «завладение» имуществом, тем самым определяя момент окончания данной формы хищения.

На основании положений прим. 1 гл. 24, определившего родовое понятие хищения, объективная сторона состава «Мошенничество» отличается следующими обстоятельствами:

во-первых, виновный, никогда ранее не владевший каким-либо имуществом, завладевает им в реальной действительности;

во-вторых, именно виновный осуществляет над ним полный имущественный контроль, имеет реальную возможность пользоваться и распоряжаться им в соответствии со своим усмотрением в дальнейшем. На наш взгляд, мошенничество согласно данному

примечанию некорректно обозначается белорусским законодателем в качестве способа хищения, также как и другие формы его совершения. Мы предполагаем, что законодатель допустил неточность толкования, из которой неясен вид, способ или форма хищения, которая представляет собой совершенное посягательство. Фактическое использование термина «имущество» в качестве законодательной формулировки предмета данной формы хищения не содержит указания на отсутствие у виновного лица какого-либо права на похищенное имущество в действительности. Согласно положениям УК РБ белорусский законодатель аналогично УК РФ предусматривает два способа мошенничества (обман или злоупотребление доверием), а нормативное разъяснение их содержания в тексте уголовного закона им не дается.

В соответствии с положениями прим. 1 к ст. 175, в структуре гл. VI «Преступления против собственности» УК Республики Казахстан (УК РК) от 16 июля 1997 г. (с изменениями от 10 июля 1998 г.) хищением являются: «Совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [3, с. 45]. На основании положений УК РК имеется только лишь одно отличие от УК РФ в определении признака «безвозмездность изъятия и (или) обращения чужого имущества». В то же время деяния лица должны охватываться положениями диспозиции состава «Мошенничество» согласно УК РК, когда имеется безвозмездность как изъятия, так и реального обращения чужого имущества в пользу виновного. Даже какое-либо возвращение той или иной части похищенного имущества свидетельствует о невозможности квалификации по данной форме хищения исходя из отсутствия признака объективной стороны данного состава преступления в реальной действительности. Нам представляется, что в положениях УК РК родовое понятие «Хищение» формулируется казахским законодателем несколько содержательнее, чем в российском уголовном законе. Согласно данным современной судебной-следственной практики правоохранительные органы часто вообще не квалифицируют на основании ст. 159 УК РФ

из-за отсутствия именно признака «безвозмездность» на обращение данного имущества, исходя из поэтапного его возврата в дальнейшем. Такое их решение прямо противоречит букве уголовного закона. Воспроизводится диспозиция и санкция мошенничества, аналогичные предусмотренным в ст. 159 УК РФ в соответствии с положениями ст. 177 УК РК «Мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». В свою очередь, сравнив три данных определения, преимуществом определения, содержащегося в УК РБ, является изложение в нем перечня деяний, входящих в круг хищения. На наш взгляд, определение, даваемое законодателем в УК РБ, расширительно трактует круг хищений, в т. ч. относя к ним посягательства с материальными и формальными составами преступлений. Так, вымогательство сконструировано им следующим образом: 1) это по своей структуре «формальный состав», где деяние является оконченным с момента предъявления виновным-вымогателем в реальной действительности требования о передаче ему чужого имущества или прав на его владения или распоряжение в дальнейшем; 2) окончено не с момента завладения им и причинения ущерба собственнику или иному владельцу. Следовательно, состав преступления «Вымогательство» никак не подпадает под формулировку «Завладение чужим имуществом или правом на него» и не может быть отнесено к разряду хищений согласно положениям УК РБ.

Поскольку положения гл. 23 «Преступления против собственности» структурно входят в содержание раздела IX «Преступления в сфере экономики» УК Республики Азербайджан (УК РА), то при этом конкретного определения образующему данную систему понятию «Хищение» законодатель в УК РА не дает. Однако, сами понятия и признаки составов («Кража» (ст. 177); «Мошенничество» (ст. 178); «Присвоение или растрата» (ст. 179); «Грабеж» (ст. 180); «Разбой» (ст. 181); «Хищение предметов, имеющих особую ценность» (ст. 183)), как правило, совпадают с аналогичными терминами УК РФ. Азербайджанский законодатель в положениях трех примечаний к ст. 177 разъясняет содержание следующих оценочных понятий:

«Значительный»; «Крупный ущерб»; «Неоднократность»; «Лицо, ранее судимое за хищение либо вымогательство». В свою очередь, отдельными составами преступлений против собственности на основании положений УК РА являются: «Осуществление телефонных переговоров путем незаконного использования телефонной линии» (ст. 189); «Нарушение права собственности на землю» (ст. 188) [4, с. 255-261]. Нахождение ст. 188 в структуре гл. 23 вполне обоснованно, т. к. если при социализме земля была исключена из гражданского оборота, в настоящее время именно она является предметом реальных сделок в рыночных условиях. Поэтому распространение азербайджанским законодателем на землю именно режима уголовно-правовой защиты этих отношений было закономерно и достаточно эффективно.

Реализация уголовной ответственности за совершение разнообразных форм хищения чужого имущества была предусмотрена украинским законодателем в разделе VI «Преступления против собственности» Уголовного кодекса Украины, принятого Верховной Радой Украины 5 апреля 2001 г. и вступившего в силу 1 сентября 2001 г. По нашему мнению, правовой новеллой стало определение значительного ущерба в прим. 2 к ст. 185 УК Украины, сформулированное украинским законодателем следующим образом: «Значительный ущерб признается с учетом материального положения потерпевшего и если ему причинен ущерб на сумму от 100 до 250 не облагаемых налогом минимумов доходов граждан» [5, с. 161].

Согласно положениям УК Франции 1992 г. под близким к понятию хищения определением кражи в ст. 311<sup>1</sup> признается обманное изъятие вещи другого лица. К краже законодателем в ст. 311<sup>2</sup> приравнивается «обманное изъятие энергии в ущерб другому лицу» [6, с. 280]. Нам представляется, что французский законодатель имеет лишь обманное изъятие чужого имущества, включая в само понятие обмана значительно больше в сравнении с российскими коллегами. В соответствии с французским законодательством всякое имущество, даже и принадлежащее близкому родственнику по восходящей и нисходящей линии, не является чужим для них вообще. На основании положений книги III раздела I «Об обманном завладении» гл. III

«О мошенничестве и примыкающих к нему деяниях»: «Мошенничество – это обман физического или юридического лица, совершенный путем использования ложного имени, должности или положения». Кроме общего состава французский законодатель воспроизводит в тексте УК также специальные составы преступлений, однако, имеющие некоторые особенности. Так, французский законодатель выделяет состав «Злоупотребления доверием» (ст. 314-1), представляющего собой «расхищение денежных средств, материальных ценностей или иного вверенного имущества». Вследствие того, что «Злоупотребление доверием» является уголовным проступком, то оно наказывается исправительным тюремным заключением максимум до десяти лет и денежным штрафом.

Поскольку в УК Федеративной республики Германия (УК ФРГ) понятие хищения вообще отсутствует, то близким к нему является в § 242 определение кражи. Под ней имеется в виду следующее: «Завладение чужой движимой вещью с намерением незаконно ее присвоить или обратить в пользу третьего лица [7, с. 394]. На наш взгляд, фактическое неиспользование легального толкования понятий, воспроизводимых немецким законодателем при определении «мошенничества», «обмана», «злоупотребления доверием», «причинения имущественного ущерба», вызывает значительные трудности при квалификации схожих деяний. Например, в положениях § 263 и § 265 «а» УК ФРГ. Вследствие того, что в этом случае немецкий уголовный закон явно двусмысленно оценивает момент окончания мошенничества и его разновидностей, то именно принципиально значимо для правильной квалификации материальных (например, § 263) и формальных (например, § 264) составов хищения чужого имущества.

В УК Швейцарии от 21 декабря 1937 г. в разделе II Особенной части «Преступления против имущества» законодатель также не формулирует понятие хищения. Наряду с этим близким по содержанию к нему является в ст. 137 определение «Незаконное завладение». В свою очередь, швейцарские коллеги придают термину «Присвоение» более широкий смысл, чем отечественный законодатель.

На наш взгляд, несомненный интерес для нас представляет уголовное законода-

тельство Нидерландов, запрещающее деяния, способом совершения которых унифицировано, выступает «Мошеннический обман». Так, согласно сравнительному анализу положений раздела XXV «Об обманах» и раздела XXVI «Причинение имущественного ущерба кредиторам или уполномоченным лицам» можно сделать следующий вывод: УК Голландии не формализует ответственности за мошенничество, ассоциируя его с разновидностью обмана. Обман по своей конструкции является усеченным составом, а наказание за его разновидности включает как тюремное заключение на срок до трех лет, так штраф пятой категории. Таким образом, можно сделать вывод о приоритетности в имущественной санкции над другими видами наказаний за эти формы посягательства на собственность.

В Уголовном кодексе Испании, принятом в 1995 г. и вступившем в силу 24 мая 1996 г., формы хищения чужого имущества сформулированы законодателем в разделе XIII «Преступления против собственности и социально-экономического порядка». На наш взгляд, в УК Испании особое место всегда занимали имущественные преступления. Законодатель традиционно называл обман как способ мошенничества, раскрывая формы, одной из которых выступает «Злоупотребление доверием», признавая отягчающим его признаком.

Следующей интересующей нас группой является уголовное законодательство государств англо-саксонской правовой семьи, объединенных вместе по ряду специфических признаков. Так, особенностью британского законодательства является неиспользование кодифицированного акта. Хотя законодатель вообще не предусматривает уголовную ответственность за мошенничество, его виды представлены обманными имущественными преступлениями. Именно «они именуется в законодательстве как обман или мошенничество» [8, р. 168]. К данным имущественным преступлениям им отнесены: 1) получение имущества путем обмана; 2) получение трансфертных денег путем обмана; 3) получение имущественной выгоды путем обмана; 4) получение услуг путем обмана; 5) уклонение от уплаты долга путем обмана; 6) уклонение от оплаты.

К числу государств данной правовой семьи относятся и Соединенные Штаты Аме-

рики (США), где вообще отсутствует единая уголовно-правовая система в соответствии с американской федеральной спецификой. Примерный уголовный кодекс США, разработанный Институтом американского права в качестве модельного закона для законодателей штатов, содержит описание разных форм хищения чужого имущества в следующих разделах: «Хищение и родственные ему посягательства» и «Подлог документа и обманные приемы» соответственно. Многие нормы Примерного УК США нашли отражение в уголовных кодексах отдельных штатов. Наряду с этим был издан целый ряд федеральных законов, регулирующих операции с ценными бумагами и содержащих уголовные санкции за нарушение установленных правил. Так, Закон 1933 г. «О ценных бумагах» и Закон 1934 г. «Об обмене ценных бумаг» (ст. 77 и 78 раздела 15 Свода законов США) установили ответственность за мошеннические действия, связанные с регистрацией коммерческих фирм, покупкой и продажей ценных бумаг, фальсификацией годовых и иных отчетов, имеющих финансовое значение. Так, наказывается сообщение любых неверных сведений либо сокрытие правильных сведений, совершение обманных действий, если они могут ввести в заблуждение любое лицо в связи с покупкой или продажей ценных бумаг, регулируемых федеральным законодательством.

Аналогичные преступления входят в г. 5 Особенной части УК Китайской Народной Республики (КНР). В ее структуре 14 составов (ст. 263-276). Кроме кражи, в ст. 264 выделяются также и три вида грабежа [9]. Наряду с «открытым хищением», с восемью квалифицирующими признаками в ст. 263, 267, в ст. 268 УК КНР предусматривается ответственность за грабеж, совершенный группой.

Согласно положениям УК Корейской Народно-Демократической Республики (УК КНДР) разграничиваются преступления против социалистической собственности от деяний, посягающих на имущество граждан социалистического государства. Поскольку социалистическая собственность – собственность государства и кооперативных организаций, то посягательства на нее влекут ответственность по ст. 56-65 гл. 4 «Преступления в сфере социалистической экономики» соответственно. В свою очередь, ст. 155-161 гл. 8

раздела 2 посвящены преступлениям, посягающим на личное имущество граждан [10, с. 213-229].

На основании положений УК Республики Корея законодатель аналогичные составы располагает в главах Особенной части, начиная с гл. 38 «Воровство и грабеж» и до гл. 42 «Причинение разрушений и повреждений» [11, с. 273-263]. Южнокорейский законодатель в главу о краже и грабеже поместил ст. 340 «Пиратство», квалифицируя, как «Захват чужого судна в море с использованием угрозы применения коллективной силы» и ст. 336 «Хищение людей с целью получения выкупа». Использование новых технологий для получения доходов нелегальным путем привели к появлению в ст. 347-2 дополнительного состава «Мошенничество с использованием компьютеров».

Несмотря на то, что основные законы данных государств конституционно гарантируют защиту различных видов собственности (частную, личную, государственную, общественную), уголовное законодательство в разных странах реализует это несколько по-разному [12]. Так, УК РФ, УК ФРГ и УК КНР предусматривают общие основания и пределы ответственности, формулируя единые санкции за посягательства на все виды собственности соответственно [13]. В свою очередь, российский и немецкий законодатель определяют любую собственность словом «Чужая» [14]. Китайский законодатель помимо словосочетания «Чужое имущество» в положениях ст. 270 УК КНР в большинстве статей (ст. 263, 264, 266-268 УК КНР) разъясняет также «Государственное или частное имущество» [15]. Сравнительный правовой анализ хищения чужого имущества и способов его совершения, закрепленных в законодательстве зарубежных государств, позволяет сформулировать определенные выводы.

Во-первых, существует большое количество казуистичных норм, описывающих в рамках разных форм хищения чужого имущества разнообразные способы совершения преступных посягательств на собственность [16].

Во-вторых, анализ содержания аналогичных статей показывает, что административная ответственность в Республике Казахстан и Латвийской Республике предусмотрена не только за неквалифицированные составы правонарушений («Кража»; «Мошенни-

чество»; «Присвоение или растрата»), но также и за квалифицированные их составы. Вследствие того, что административная ответственность наступает за неквалифицированный состав, то уровень общественной опасности таких деяний невелик, это вполне оптимально [17]. Однако совсем иначе бывает уже при совершении квалифицированных составов, когда их характер и степень общественной опасности (совершенных группой лиц, неоднократно, с незаконным проникновением в жилое, служебное, производственное помещение либо хранилище и т. д.) возрастает по экспоненте, логично предполагая наступление уголовной ответственности, ее форм и их видов [18]. Соответственно реализация административной ответственности приводит к неэффективной реализации государственного принуждения, не оптимизации уголовно-правовой борьбы с хищениями в данных государствах [19].

В-третьих, правовым основанием определения хищения в качестве «Мелкого» в УК Украины и УК Республики Казахстан предусмотрено следующее: «Хищение только чужого имущества, которое принадлежит на праве собственности организации или находится в ее ведении». Согласно положениям их конституций разные виды собственности определены равноценными разновидностями, гарантировано подлежат унифицированной как уголовно-правовой защите, так административно-правовой охране [20]. Исключение из сферы административной ответственности состава «Мелкое хищение» частной собственности выступает нарушением конституционных положений о равенстве всех форм собственности в реальной действительности этих государств [21].

В-четвертых, состав преступления «Злоупотребление доверием» во многих государствах является отдельным от состава «Мошенничество» при условии причинения определенного ущерба, включающим в структуру диспозиции «Присвоение или растрату» в качестве самостоятельных квалифицированных его способов, снимая при этом проблемы отграничения мошенничества от смежных деяний.

В-пятых, всякие тенденции какого-либо увеличения количества мошеннических посягательств в государствах с рыночной экономикой заставила зарубежного законодате-

ля целого ряда иностранных стран к фактическому определению именно обмана основным признаком объективной стороны, формулированию и конструированию состава мошенничества в качестве усеченного состава преступления.

В-шестых, наиболее целесообразной разновидностью выступает назначение в качестве наказания за формы хищения штрафов в размерах, в несколько раз превышающих стоимость незаконно изъятых материальных ценностей [22]. Ввиду строгости применяемых имущественных санкций, в наиболее оптимальной мере государственного принуждения осуществляется как общая, так и частная превенция каждого правового государства и цивилизованного общества.

В-седьмых, существующее разнообразие способов совершения разных форм хищения чужого имущества, а также отсутствие обобщающего их определения в уголовном законодательстве многих зарубежных государств не инкриминируются в современную отечественную отраслевую систему, реализующую традиционную доктрину «Состав преступления» [23]. Хотя использование в отраслевой науке иностранных уголовно-правовых норм позволяет сформулировать содержательную и объемную дефиницию «хищение», которая, будучи законодательно закрепленной и оптимально воспроизведенной в тексте уголовного закона, определенно снимет существующие в настоящее время проблемы отечественной правоприменительной практики [24]. Предлагаемые меры направлены на оптимизацию борьбы с хищениями, повышение эффективности противодействия данному виду преступности, предметность нормотворчества, унификацию норм российского и зарубежного уголовного законодательства на современном этапе.

1. *Кочои С.М.* Преступления против собственности: комментарий гл. 21 УК РФ. М., 2001.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001.
4. Уголовный кодекс Республики Азербайджан. СПб., 2001.
5. Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001.
6. Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002.
7. Уголовный кодекс ФРГ. СПб., 2003.

8. Criminal law. Third edition 2000. Catherine Elliot and Frances Quinn Chapter. № 9. Fraudulent property offences.
9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. Владивосток, 1999.
10. Законы Северной Кореи. Пхеньян, 1999.
11. Собрание основных законов Республики Корея. Сеул, 2001.
12. *Волженкин Б.В.* Мошенничество. Серия: Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. СПб., 1998.
13. *Галагуза Н.Ф., Ларичев В.Д.* Преступления в страховании: Предотвращение, выявление, расследование (отечественный и зарубежный опыт). М., 2000.
14. *Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Ответственность за преступления против собственности. М., 2001.
15. *Горюнова Т.А.* Проблемы равной защиты разных форм собственности в уголовном праве России // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке: сборник материалов 3 Международной научно-практической конференции. М., 2006. С. 178-180.
16. *Гребенкин Ф.Б.* К вопросу о квалификации грабежей, совершаемых путем внезапного захвата имущества // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке: сборник материалов 3 Международной научно-практической конференции. М., 2006. С. 185-186.
17. *Григорьева Л.В.* Уголовная ответственность за мошенничество. Саратов, 1999.
18. *Губаева Т.В.* О квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках вымогательства // Межвузовский сборник научных статей. Серия: Юриспруденция / Международная академия бизнеса и банковского дела. Тольятти, 2001. № 12. С. 52-57.
19. *Гусев О.Б., Завидов Б.В., Коротков А.П., Слюсаренко М.И.* Преступления против собственности. М., 2001.
20. *Дерендяев В.Н.* Уголовная ответственность за присвоение или растрату вверенного имущества. М., 1998.
21. *Дробот С.А.* Уголовно-правовая характеристика преступного приобретения или сбыта имущества. Челябинск, 2003.
22. *Жилкина М.С.* Страховое мошенничество: Правовая оценка, практика выявления и методы пресечения. М., 2005.
23. *Иванов М.Г., Каньгин В.И.* Преступления против собственности: научно-практический комментарий. Н. Новгород, 2004.
24. *Дворецкий М.Ю.* Проблема ответственности юридических лиц в уголовном праве: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 10 (114). С. 340-346.

1. *Kochoi S.M.* Prestupleniya protiv sobstvennosti: kommentariy gl. 21 UK RF. M., 2001.
2. Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus'. SPb., 2001.
3. Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan. SPb., 2001.
4. Ugolovnyy kodeks Respubliki Azerbaydzhan. SPb., 2001.
5. Ugolovnyy kodeks Ukrainy. SPb., 2001.
6. Ugolovnyy kodeks Frantsii. SPb., 2002.
7. Ugolovnyy kodeks FRG. SPb., 2003.
8. Criminal law. Third edition 2000. Catherine Elliot and Frances Quinn Chapter. № 9. Fraudulent property offences.
9. Ugolovnyy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki. Vladivostok, 1999.
10. Zakony Severnoy Korei. Pkhen'yan, 1999.
11. Sobranie osnovnykh zakonov Respubliki Koreya. Seul, 2001.
12. *Volzhenkin B.V.* Moshennichestvo. Seriya: Sovremennye standarty v ugovnom prave i ugovnom protsesse. SPb., 1998.
13. *Galaguzha N.F., Larichev V.D.* Prestupleniya v strakhovanii: Predotvrashchenie, vyyavlenie, rassledovanie (otechestvennyy i zarubezhnyy opyt). M., 2000.
14. *Gaukhman L.D., Maksimov S.V.* Otvetstvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti. M., 2001.
15. *Goryunova T.A.* Problemy ravnoy zashchity raznykh form sobstvennosti v ugovnom prave Rossii // Ugolovnoe pravo. Strategiya razvitiya v XXI veke: sbornik materialov 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2006. S. 178-180.
16. *Grebenkin F.B.* K voprosu o kvalifikatsii grabezhey, sovershaemykh putem vnezapnogo zakhvata imushchestva // Ugolovnoe pravo. Strategiya razvitiya v XXI veke: sbornik materialov 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2006. S. 185-186.
17. *Grigor'eva L.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' za moshennichestvo. Saratov, 1999.
18. *Gubaeva T.V.* O kvalifitsiruyushchikh i osobo kvalifitsiruyushchikh priznakakh vymogatel'stva // Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Seriya: Yurisprudentsiya / Mezhdunarodnaya akademiya biznesa i bankovskogo dela. Tol'yatti, 2001. № 12. S. 52-57.
19. *Gusev O.B., Zavidov B.V., Korotkov A.P., Slyusarenko M.I.* Prestupleniya protiv sobstvennosti. M., 2001.
20. *Derendyaev V.N.* Ugolovnaya otvetstvennost' za prisvoenie ili rastratu vverennogo imushchestva. M., 1998.
21. *Drobot S.A.* Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupnogo priobreteniya ili sbyta imushchestva. Chelyabinsk, 2003.
22. *Zhilkina M.S.* Strakhovoe moshennichestvo: Pravovaya otsenka, praktika vyyavleniya i metody presecheniya. M., 2005.
23. *Ivanov M.G., Kanygin V.I.* Prestupleniya protiv sobstvennosti: nauchno-prakticheskii kommentariy. N. Novgorod, 2004.
24. *Dvoret'skiy M.Yu.* Problema otvetstvennosti yuridicheskikh lits v ugovnom prave: voprosy teorii i pravoprimenitel'noy praktiki // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2012. Vyp. 10 (114). S. 340-346.

Поступила в редакцию 27.08.2015 г.

UDC 343.9.022

#### CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN STATES ABOUT THE ECONOMIC CRIMES PREVENTION

Aleksander Aleksandrovich ASEEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Competitor, Criminal Right and Process Department, e-mail: instityprava@mail.ru

The basic existing in native criminal legislation and foreign states branch legislation tendencies of counteracting the economic crimes, including transnational and highly-organized theft of someone else's property are analyzed. The criminal legislation of some states is considered, the objective indicators of efficiency of its criminal-right norms taking into consideration modern right-implementing practice are denoted. The basic theses, reproduced by national legislators in texts of criminal laws are studied stepwise. It is defined, that the measures proposed by their creators are systematically targeted at optimization of counteracting the thefts, the increase of efficiency of counteracting this type of crimes, succession of norms creating, unification of norms of criminal legislations of different countries-participants of world union at the modern stage of their development. It is concluded that the concept policy holding the constant property sanctions over other types of punishment for different forms of encroachment on property and their types. It is marked, that the presence of existing in countries of one or another variety of ways of committing one or another theft of someone else's property. It is concluded that the lack of general definition in criminal legislation of many foreign countries makes difficult any prospective implementation in Russian branch legislation in general. The proposed measures are intentionally aimed at optimization of struggle against different forms of theft, quality-amount increase of efficiency of counteraction to this type of crimes, succession of norms-creation, and further on unification of Russian and foreign criminal legislation norms at modern stage of international cooperation of all countries of the world, relating to different legal families and having different levels of social-economic development. The conclusions are made and proposals on optimization of experience use of a raw of European States and the USA on counteraction the organized crimes, doing theft of someone's property is reveal of the positive aspects of optimization of criminal responsibility. The necessity of unification of norms of criminal legislation of foreign countries with the aim of efficiency of preventing economic crimes increase is defined, including Russia at the modern stage of development.

*Key words:* use of experience of states in counteracting the economic crimes; tendencies of organized crimes counteraction; criminal legislation of foreign countries about the prevention of economic crimes; theft of someone else's property; directions of criminal-right policy.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-11(151)-162-169